

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914-1915 гг.

Л. Н. Меньшиков
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Среди многочисленных экспедиций, изучавших Центральную Азию в конце XIX—начале XX вв.¹, особое место занимает Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. Организованная и возглавленная академиком С. Ф. Ольденбургом, она замечательна по целям, методам и результатам, но известна гораздо меньше, чем она заслуживает, и прежде всего потому, что материалы ее опубликованы лишь в небольшой части и до недавнего времени не привлекали внимания ученых других специальностей.

В 1891 г. по предложению С. Ф. Ольденбурга Восточное отделение Русского Археологического общества запросило русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского о наличии древних памятников в Восточном Туркестане. Н. Ф. Петровский ответил, что древние памятники буддийской культуры обнаружены им во многих местах, поэтому нужно немедленно посылать русскую экспедицию для обследования столь важного историко-культурного региона. Однако первая научная экспедиция была снаряжена в Восточный Туркестан только в 1898 г. Восточно-Сибирским Отделом Русского Географического Общества. Экспедицию возглавлял Д. А. Клеменц. Она дала блестящие результаты. В Петербург были привезены образцы древних памятников материальной культуры, буддийского искусства первых веков нашей эры и буддийских рукописей на китайском, тибетском и санскритском языках. С. Ф. Ольденбург, опираясь на материалы, полученные от Н. Ф. Петровского и Д. А. Клеменца, поставил перед

¹ Перечни экспедиций, работавших в Центральной Азии (Восточный Туркестан — как тогда в Европе и России называли эту область; она почти полностью охватывается нынешней Синьцзян-уйгурской автономной областью КНР), можно найти в ряде трудов, посвященных истории и археологии этого района. Все эти перечни неполны (особенно часто отсутствуют упоминания о тех или иных русских экспедициях).

Наиболее обширный, но тоже неполный см. в предисловии к кн.: 羽溪了諦.西域之佛教 (Хатани Рётай. Буддизм в Западном Крае), в кит. переводе: Шанхай, 1933; 2 изд. 1956.

ятно, чтобы почти девяносто процентов пещер раннего периода исчезло бесследно — хотя в Дуньхуане и случаются разливы реки и землетрясения.

Со времени основания комплекс пещерных храмов все разрастался, причем наивысшего подъема строительство достигло при династии Тан, после чего количество построенных пещер резко уменьшается (при династии Сун, продолжавшейся триста лет, было построено столько же храмов, сколько за тридцать лет правления династии Суй), и уже при монгольской династии Юань практически сходит на нет, а потом совсем прекращается, и в более позднее время, кроме подновления обветшавших построек, статуй и росписей, других работ в пещерах не проводилось.

Расцвет строительства храмов-пещер объясняется тем, что Дуньхуан расположен на древних дорогах из Китая на Запад, как раз в том месте, где кончается Великая стена и области, заселенные китайцами, а путь на Запад разделяется на две ветви: одна идет по северному краю Таримской впадины, вдоль предгорий Тяньшаня в Среднюю Азию, другая — по южному ее краю, севернее Кунылуна, через Памир в Кашмир и Индию. По этим путям везли товары с востока на запад и с запада на восток, они же служили для передвижения войск, по ним же двигались буддисты-паломники в Индию и обратно (знаменитый Сюань-цзан, например, в Индию ехал по северному тракту, а в Китай возвращался по южному, причем оба раза побывал в Дуньхуане). На запад от Дуньхуана путешественник проезжал заставу Юймэньгуань, на юго-запад — другую заставу, Янгуань. Дальше начинались пустыни с немногочисленными оазисами, где уже редко кто говорил по-китайски. Недаром обе заставы часто упоминаются в китайской поэзии как символы прощания с родной страной.

Оживленное движение по дуньхуанским дорогам, провоз товаров, оседавших в известной части в Дуньхуане, который был одним из главных пунктов, через который осуществлялось проникновение буддизма в Китай, обусловил строительство храмов-пещер, на которые

пещеры и 6 пещер не поддаются датировке. У Канаока Секо (с. 27-28) подсчет нескольких другой: Вэй — 32, Суй — 110, Тан — 247, У-дай — 36, Сун (видимо, включая Си Ся) — 45, Юань — 8, не поддающихся датировке — 8. В "Описании пещер..." 1982 г. следующий подсчет пещер по периодам: 16 государств периода Лю-чао (до 439 г.) — 7 пещер; Северная Вэй (439—534) — 8 пещер; Западная Вэй (535—556) — 10 пещер; Северная Чжоу — 15 пещер (Всего в период Северных и Южных династий 40 пещер). Суй (581-618) — 70 пещер, Тан (618—907) — 215 пещер (в том числе начало Тан (618-704) — 44 пещеры; рассвет Тан (705-780) — 80 пещер; тибетский период 781—847 — 44 пещеры; конец Тан 848—907 — 47 пещер). У-дай (908-960) — 32 пещеры; Сун (960-1035) — 43 пещеры; тангутские (гос-во Си Ся, 1035-1226) — 82 пещеры; Юань (1127-1368) 10 пещер. Как видим, среди ученых есть значительные разногласия, объясняющиеся тем, что до сих пор не выработано твердых критериев для датировки пещер.

правители Дуньхуана, общины буддистов-мирян и, видимо, паломники жертвовали немалые средства. Будучи, несомненно, местом для молений, пещеры выполняли еще и функцию своеобразной гостиницы, где путешественник мог отдохнуть и набраться сил для дальнейшего пути.

Так было до XI в. В 1036 г. Дуньхуан был завоеван тангутами и вошел в состав тангутского государства Си Ся; еще через два столетия — монголами. Древние коммуникации Запад-Восток надолго прервались. Тем временем Индия перестала быть буддийской страной, прекратилось движение паломников. А потом китайцы завоевали Синьцзян, Дуньхуан потерял свое значение форпоста на дальнем Западе, захирел и превратился в рядовой уездный городок, каким оставался бы и сейчас, если бы не открытие, с упоминания о котором мы начали наш рассказ о Дуньхуане.

В конце XIX в. через Дуньхуан проезжали экспедиции: в 1879 г. — венгерская Бела Сечени, в 1881 г. — русская Н. М. Пржевальского, в 1894 г. — В. И. Роборовского. Все три экспедиции ознакомились с комплексом храмов-пещер. В опубликованных отчетах экспедиций есть краткие описания осмотра пещер, очень близкие друг другу по содержанию⁸. Однако серьезного научного интереса сообщения экспедиций тогда не вызвали. Усиленное же внимание привлекло — и то далеко не сразу — обнаружение рукописей.

К началу XX века обширный комплекс храмов-пещер был почти заброшен. Правда, у южного края комплекса еще жило не-

⁸ См.: Gustav Kreitner. Im Fernen Osten. Reisen des Graf Bela Szecheni in Indien, Japan, China, Tibet und Birma in den Jahren 1877—1880. Wien, 1881, S. 667-670; Пржевальский Н. М., Из записки через Хами в Тибет на верховья Желтой реки. СПб., 1883; переиздание: М., 1948, с. 86-99; Роборовский В. И. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893—1895 гг. СПб., 1900, ч. 1; переиздание: Роборовский В. И. Путешествие в Восточный Тянь-шань и Нань-шань. М., 1949, с. 190-191. Видимо, интерес русских путешественников вызвало сообщение Крейтнера. (Н. М. Пржевальский, например, повторяет неточную, основанную на местном диалектном произношении, транскрипцию слов "Пещеры тысячи будд" (правильно Цяньфодун, у Крейтнера Tsiien-fu-dung, у Пржевальского — Чэн-фу-дун; Роборовский исправляет на Чэн-фодун, оставив Чэн вм. Цянь. Эту последнюю транскрипцию (Чэнфодун) употребляла в дневниках 1914—1915 гг. экспедиция С. Ф. Ольденбурга. Отметим как некоторый курьез, что японские ученые, ознакомившись с книгой В. А. Обручева "В дебрях Центральной Азии. Записки кладовщика" (М., 1955) в переводе на японский язык (1962 г.), не заметили, что это — не путевой дневник автора книги, а роман, "записки" некоего вымышленного коллекционера. Описание осмотра пещер совпадает даже в деталях с тем, которое находим у Пржевальского. В отличном исследовании Канаока Сёко "Дуньхуанская литература" (с. 33-34) автор на основании этой книги утверждает, что экспедиция Обручева в 1905 г. посетила дуньхуанские храмы. Недоумение вызывает у проф. Канаока тот факт, что принимающего их монаха Обручев называет ламой, в то время как Ван Юань-лу был даосом (с. 34). Но это все взято из книги Пржевальского, которого действительно водит по пещерам старший лама. Обручевым добавлен эпизод, в котором его герой покупает рукописи, отправляет их в Петербург, в Академию Наук, причем специалисты признают их все поддельными. О факте находки рукописей Обручев мог знать от С. Ф. Ольденбурга, но специалистов, которые смогли бы отличить подлинные дуньхуанские рукописи от поддельных, тогда не было не только в Петербурге, но и во всей Европе. Нам неизвестны также в ленинградских коллекциях из Дуньхуана поддельные рукописи.

скольких монахов, частично — буддийских, а частично — даосских. Один из даосов по имени Ван Юань-лу поселился в пещере 159-143-344. Он снабжал местное население даосскими молитвами и заклинаниями (в изготовлении которых ему помогал писец по фамилии Ян)⁹, а вырученные деньги употреблял также и на то, чтобы очищать от песка росписи пещер. В одну из таких очисток он и обнаружил под штукатуркой в пещере 163-151-16 замурованный вход в неизвестную ранее пещеру. Удалив штукатурку и пробив закрывающую вход глину, он увидел небольшую пещеру, около 3 метров в длину и ширину и высотой в 2,5 метра. Пещера была заполнена рукописями, были в ней и некоторые другие предметы (статуи, например), но именно рукописи вскоре прославили дуньхуанские пещеры как в Китае, так и во всем мире. Это открытие, ничуть не уступающее по своему научному значению находкам рукописей Мертвого моря, имело место на рассвете в 25 день пятой луны 26 года правления под девизом Гуан-суй или, в переводе на европейский календарь, 21 июня 1900 года¹⁰.

Открытие, однако, осталось тогда почти незамеченным — и уж, во всяком случае, те, кто о нем тогда узнал, его значения не оценили. События развивались следующим образом.

Обнаружив пещеру с рукописями, Ван Юань-лу (видимо, с помощью Яна — сам он был неграмотным) составил донесение местным властям¹¹. Ответ был весьма выразительным: низшие чиновники посоветовали ему рукописей не трогать, ибо их распространение может накликать несчастье. Однако начальник Дуньхуанского уезда Ван Цзун-хань проявил интерес к рукописям и оставил у себя образцы

⁹ Этого Яна (имя его остается неизвестным) упоминает Цзян Лян-фу (с. 3). Он даже считает, что пещеру с рукописями обнаружил именно он, поскольку его столп для письма стоял в пещере 163-151-16, возле южной стены, где и был найден под штукатуркой замурованный вход. Совпадение всех деталей рассказа заставляет думать, что оба автора пользовались одним и тем же источником, скорее всего, чьим-то рассказом.

¹⁰ Относительно даты открытия среди ученых существуют значительные разногласия, основывающиеся на разногласиях источников. Не перечисляя их здесь, укажем, что авторы расходятся в ее определении на 4 года (от 1899 до 1903). Однако в настоящее время, видимо, можно уверенно называть точную дату. В Академии дуньхуанских исследований (находящейся в Дуньхуане) хранится черновик подлинного донесения Ван Юань-лу, где он сообщает о находке и называет ее точную дату (см. Пань Се-цзы, с. 26). В статье Су Ин-хуэя "Очерк дуньхуановедения" помещена фотокопия донесения. (1969, табл. 2). Выдержку из этого письма цитирует Канаока Сёко (с. 31). Поскольку мы имеем дело с синхронным открытию документом, данные всех других источников (более поздние надписи на стенах, надписи на надгробия Ван Юань-лу, воспоминания Е Чан-чжи, устные рассказы) можно теперь не принимать во внимание. Сомнений же в подлинности документа, насколько нам известно, никто не высказывал.

¹¹ Донесение, черновик которого, упоминавшийся выше, служит основанием для точной датировки открытия. Черновик сохранился в личном сундучке Ван Юань-лу, обнаруженном в одной из пещер. Дальнейшее изложение действий Ван Юань-лу основано на книге Цзян Лян-фу (с. 18-19). Все другие авторы повторяют написанное у Цзян Лян-фу: Се Чжи-лю (с. 4) — почти дословно, другие (Пань, с. 27-28; Канаока, с. 31-32) — в краткой форме.

свитков и живописных икон, привезенных Ван Юань-лу. Сообщения Ван Цзун-ханя в центр провинции Ганьсу, впрочем, не имели успеха, пока в провинциальное управление попечителем учебных заведений (сюэтай) не был в 1902 г. назначен Е Чан-чжи, принявший в дар от Ван Цзун-ханя свиток и четыре рукописи¹². Е Чан-чжи пытался добиться согласия провинциального управления на перевод библиотеки, найденной в пещере, в центр провинции, но предприятие оказалось местным властям не по карману. Однако начальник провинции Тиндун принял в виде подарка некоторое количество свитков. Тиндун, в свою очередь, подарил часть попавших к нему рукописей некоему бельгийцу, служившему до того в налоговом ведомстве в одном из уездов провинции и возвращавшемуся на родину. Бельгиец (имя которого не названо, В. А. Обручев, встречавшийся с ним в 1893 г., называет его Сплингерд)¹³, проезжая через Синьцзян, передал рукописи генерал-губернатору Чангэну и даотаю Паню. Вскоре весть об открытии дошла до Аурела Стейна¹⁴, возглавлявшего английскую археологическую экспедицию, целью которой было исследование древних коммуникаций Синьцзяна. Стейн и раньше слышал о пещерах Дуньхуана от Де-Лоци, участника экспедиции Сечени. Теперь, узнав о рукописях, он поспешил в Дуньхуан, куда и прибыл 15 марта 1907 года. Это был первый европеец, увидевший открытое Ван Юань-лу хранилище дуньхуанских рукописей. В целом, рукописи оставались на прежнем месте, хотя некоторые из них и разошлись по рукам населения (и не только официальных лиц, о которых говорилось выше). Стейн первый вывез

¹² От Е Чан-чжи (叶昌棻) сохранились воспоминания ("Юй ши" 語石), которые нам недоступны, но которые пересказаны у Цзян Лян-фу.

¹³ В 1893 г. В. А. Обручев встречал в Сучжоу бельгийца на китайской службе, заведовавшего оспопрививочной станцией. Фамилия его была Сплингерд. "У себя на родине Сплингерд был каменщиком, потом нанялся в услужение к одному миссионеру и приехал с ним в Китай <...> выучил <...> китайский язык и сопровождал Рихгофена по всему Китаю как переводчик. Он сам при этом познакомился с бытом и нравами страны, и когда <...> стал агентом нескольких европейских торговых домов, то проявил столько ума и такта, что его оценили не только европейцы, но и китайцы" (Поступальская М., Ардашникова С. Обручев — "Жизнь замечательных людей". М., 1963. Вып. 13, с. 200). Нет сомнений, что бельгиец, упоминаемый у Цзян Лян-фу, и Сплингерд — одно и то же лицо, но В. А. Обручев встретил его в самом начале его карьеры на китайской службе, а А. Стейн — в конце.

¹⁴ Аурел Стейн (1862—1943), венгерский ученый на английской службе, принадлежит к числу наиболее деятельных и удачливых исследователей Центральной Азии. Он прошел и описал все древние пути Восточного Туркестана, собрал огромные коллекции — археологические, рукописные, предметов искусства. Им опубликованы детальные отчеты о его экспедициях, из которых наиболее известен объемистый труд: Aurel Stein. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China Carried out and Described under the Orders of H. M. Indian Government. Oxford, 1921. Vol. 1-5; а также отчет, посвященный его дуньхуанским экспедициям: Aurel Stein. The Thousand Buddhas: Ancient Buddhist Paintings from Cave-temples of Tun-huang of the Western Frontier of China. London, 1921.

их Дуньхуана пятьдесят тюков китайских рукописей, пять — тибетских и двадцать ящиков предметов искусства¹⁵.

Вторым после Стейна в дуньхуанских пещерах Могао или "Пещерах тысячи будд"¹⁶ в июле 1908 г. побывал руководитель французской экспедиции Поль Пеллио. А. Стейн не был специалистом по Китаю, и его материалы представляют весьма пестрый набор рукописей, предметов самого различного характера¹⁷. Пеллио, один из крупнейших китайцев и знатоков Центральной Азии в XX веке, отбирал материалы весьма тщательно. Он, например, вывез около 3500 свитков (количество, не очень большое по сравнению с другими экспедициями), но зато среди них наибольшее количество уникальных текстов и текстов светского характера. Ему же принадлежит первый сводный план пещер и обширная шеститомная публикация фотографий пещер¹⁸. Пеллио принадлежит еще и другая заслуга: обратный путь его экспедиции лежал через Пекин. Французский ученый сообщил об открытии и о результатах экспедиции своим китайским коллегам, и

15 Наиболее важные описания его коллекций: Lionel Giles. British Museum Gyde to an Exhibition of Paintings, Manuscripts and Other Archaeological Objects Collected by Sir Aurel Stein, K. C. I. E. in Chinese Turkestan. London, 1914; Fred H. Andrews. Descriptive Catalogue of the Antiquities Recovered by Sir Aurel Stein during his Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Delhi, 1935; Lionel Giles. Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tunhuang in the British Museum. London, 1957 (включает описание 8102 рукописей). Мы не можем перечислить здесь даже основных публикаций и исследований материалов, привезенных А. Стейном, по причине их многочисленности. То же относится к экспедициям Пеллио, китайской, Отани.

16 Название "Пещеры тысячи будд" (Цяньфодун), получившее распространение в европейских работах, не вполне точно. В Китае этот термин как родовое название прилагается вообще к буддийским пещерам с росписями и статуями. Такие пещеры-комплексы имеются во многих местах Китая. В самом Дуньхуанском уезде есть еще "Западные пещеры тысячи будд".

Что же касается комплекса, где найдены рукописи, то в китайской и японской литературе он чаще именуется пещерами Могао (莫高窟) по названию горы, в склоне которой пещеры расположены. Название это существовало уже в танское время, ибо встречается в памятной записи 698 года (о которой см. выше, прим. 6) и в более поздней 865 г. (см. прим. 5) и, видимо, его и нужно считать действительным именем комплекса. Более раннее название ("Обитель Святого обрыва"), упомянутое в записи 698 г., судя по всему, вышло из употребления задолго до установления династии Тан (618 г.). Мы применяем название Могао как основное.

17 С. Ф. Ольденбург, высоко ценивший деятельность А. Стейна как исследователя, тем не менее отмечал недостаточную научную систематичность его работ. См. об этом в статье П. Е. Скачкова.

18 Наиболее полное представление о результатах работы П. Пеллио дает его знаменитая публикация: P. Pelliot. Les grottes de Touen-houang. Paris, 1920-1924, T. 1-6. Описание рукописей из Дуньхуана (вышли первый, третий и четвертый тома, включающие описание 1500 единиц); Catalogue des manuscrits chinois de Touen-houang. (Fonds Pelliot chinois). Paris, Bibliotheque Nationale. 1970, vol 1; 1983, vol. 3; 1989, vol. 4. Других публикаций, менее подробного или более частного характера, мы здесь не перечисляем, но они достаточно многочисленны.

прежде всего крупному знатоку китайских древностей Ло Чжэнь-юю (который получил от него в подарок ценнейшие по содержанию рукописи и вскоре начал их издавать). Ло Чжэнь-юй же, бывший очень влиятельным при дворе человеком, добился приказа, чтобы местные власти позаботились о вывозе в столицу оставшейся части рукописной библиотеки, что и было сделано в 1910 г.¹⁹.

Нужно сказать, что экспедиция эта, проведенная властями провинции Ганьсу, взяла только то, что лежало на поверхности (впрочем, и эта часть составила более 9 тыс. рукописей), не позаботившись ни о поисках разошедшегося по рукам у местного населения, ни о тщательном сборе фрагментов, ни, тем более, о раскопках в пещерах. Этим объясняется тот факт, что японская экспедиция Отани (оставлявшаяся и работавшая в Дуньхуане в 1912 г.) смогла собрать немало предметов и более 400 рукописей, хранящихся ныне в Киото²⁰, и что А. Стейн во время второй своей экспедиции в Дуньхуан вывез (сверх примерно 9 тысяч, приобретенных во время первой экспедиции) еще около 500 свитков.

Самыми поразительными все же приходится считать результаты работы Русской Туркестанской экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1914-1915 гг. Она была в Дуньхуане после всех перечисленных выше экспедиций, но количество и значение собранных ею материалов поражали даже таких знатоков как П. Пеллио и Чжэн Чжэнь-до²¹. Поскольку описанию этой экспедиции посвящена в настоящем сборнике специальная статья, написанная покойным П. Е. Скачковым, мы отопшем читателя к ней, здесь же добавим лишь несколько уточнений

19 Описание основной части рукописной библиотеки, хранящейся ныне в Пекинской Государственной библиотеке, см.: 陳垣.敦煌劫餘錄. — Чэнь Юань, Опись оставшегося после разграбления Дуньхуана. Бэйпин, 1931, тт. 1-6. В настоящее время существует сводный указатель к названным выше трем важнейшим фондам дуньхуанских рукописей: 敦煌遺書總目索引. — "Сводный указатель дуньхуанских рукописей", Пекин, 1962; Переиздание: Пекин, 1983. Недавно издано дополнение к описанию Чэнь Юаня: 敦煌劫餘錄續編. — Дополнение к Описи оставшегося после разграбления Дуньхуана, Пекин, 1981.

20 Наиболее полные сведения о коллекции экспедиции Отани в кн.: 西域文化研究 ("Исследования по культуре Западного Края", Киото, 1958, т. 1). Экспедиция называется по имени ее организатора Отани Кодзуй, но руководителем ее были Тагибана Дзуйтё и Есигава Коитиро.

21 О реакции П. Пеллио на выставку материалов С. Ф. Ольденбурга в Эрмитаже см.: Шербатский Ф. И. С. Ф. Ольденбург как индолог. — Академик С. Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882-1932, Л., Изд-во АН СССР, 1934, с. 23. Известнейшего китайского ученого Чжэн Чжэнь-до незадолго до его трагической гибели в 1958 г. автор данных строк лично знакомил с ленинградскими коллекциями и видел его изумление и восхищение.

к приводимым в ней сведениям о результатах экспедиций (поскольку статья написана около 30 лет тому назад, ряд сведений в нее еще не мог быть включен)²².

В Государственном Эрмитаже в настоящее время хранятся: буддийские знамена и холстяные навершия к ним — 66 единиц; фрагменты буддийских живописных икон на шелку — 137 единиц; фрагменты буддийских икон на бумаге — 43; стеновых росписей — 14; скульптур крупных 14 и мелких 24; образцов тканей (сверх употребленных на знамена, навершия и иконы) — 58; фрагментов рукописей — 8; калек-фотографий около 2000.

В Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения насчитывается (согласно данным инвентаризации, проведенной М. П. Волковой, Л. И. Чугуевским, Н. И. Носовой и мною) около 18 тысяч номеров хранения рукописей, и в том числе 365 свитков (остальные — фрагменты либо рукописи небольшого размера)²³.

Материалы из Дуньхуана, относящиеся к IV—XI вв. н. э., представляют собой неисчерпаемый источник сведений по истории, экономике, культуре, искусству, литературе, философии, религии (особенно буддизма) этого периода. Многие в дуньхуанских коллекциях уникально и не повторяется ни в другие периоды, ни в других письменных источниках. Изучение этих материалов в Китае, Японии, Англии, Франции, СССР и других странах вызвало к жизни особую отрасль науки, получившую название "дуньхуановедение"²⁴. Наука эта, без данных которой сейчас уже невозможно изучение Китая и Централь-

²² Точную справку о составе эрмитажных коллекций их Дуньхуана для нас составила М. Л. Рудова. В черновом отчете С. Ф. Ольденбурга (ААН, фонд 208, оп. 1, № 188, л. 10) фигурируют следующие цифры предварительного подсчета:

*Итоги. Описание. Материалы для монографий.

Орнаменты свыше 200, часть в красках. Копии образцов в красках. Вся стена Ву-дао-цзы (У Дао-цзы или У Дао-сюань, род. ок. 689 г., ум. после 755 г., основатель одной из наиболее значительных школ китайской живописи. — Л. М.) в кальке.

Около 1300 фотографий 24х30 и 18х24 и 300 поляскопом.

Планы на 2 листах масштабом 25 саженей в дюйме. Планы пещер нанесены разными красками, четыре этажа один на другой. Фасад пещер.

Предметы: 2 льва, свыше 20 статуэток и голов.

Отрывки образов на холсте и шелке (часть XI в.).

Свыше 200 китайских свитков, ящик с отрывками рукописей и ксилографов китайских и (немного) тибетских. Незначительные обрывки уйгурских ксилографов. 2 случайных отрывка. 130 деревяшек уйгурского шрифта <...> Отрывки уйгурских ММС (манускриптов. — Л. М.) и ксилографов".

²³ Первоначальная расписка гласит: "Сто три пакета кит./айских/ рукописей коллекции С. Ф. Ольденбурга добавлено в Азиатский Музей 1-го сент./ября/ 1915 г. В. Алексеев" (Там же, л. 67).

²⁴ О развитии дуньхуановедения см. статью: Чугуевский Л. И. Дуньхуановедение. — "Письменные памятники Востока. Историко-литературные исследования. Ежегодник. 1968". М., Изд-во "Наука", 1971, с. 241-259.

ной Азии в указанный период, была международной с самого своего зарождения. В Китае, например, работали не только китайские ученые, но и П. Пеллио, А. Стейн, японец Кано Наоки; во Франции — Лю Фу (Лю Бань-нун), Сян Да, У Ци-юй, Чэнь Цзу-лун; в Англии, кроме англичан, француз А. Масперо, китаец Ван Чжун-минь. Имела эта наука и в СССР такого блестящего представителя, погибшего в 1942 г. в блокадном Ленинграде, как К. К. Флут; советские ученые в 1964 г. получили за работу в области дуньхуановедения премию французской Академии надписей и изящной словесности и т. п.

Как в Эрмитаже, так и в Институте востоковедения работа по разборке, описанию и публикации материалов была начата еще в 20-х годах. Однако эта работа тогда не приобрела систематического характера (в Институте востоковедения, например, К. К. Флут, кроме Дуньхуана, разбирал еще коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото, Новый фонд китайских рукописей и отчасти — ксилографов; естественно, что при всех его широко известных качествах как исследователя он смог лишь начать работу над Дуньхуанским фондом). В 50-е годы в обоих учреждениях образуются постоянные группы сотрудников, работающих над дуньхуанскими материалами систематически и постоянно (полный список всех работ по Дуньхуану, опубликованных в СССР, мы даем в приложении к настоящей статье)²⁵.

Статья П. Е. Скачкова, впервые детально осветившего ход экспедиции С. Ф. Ольденбурга и представившего в сводном виде обзор имеющегося материала, и сейчас представляется весьма основательной по изложению и нуждается лишь в небольших дополнениях, которые сделаны в настоящей работе.

²⁵ Список такой в печати появляется впервые. Поместить его здесь нас побуждает то обстоятельство, что русские работы в подавляющем большинстве (вследствие ли редкости изданий, или перерыва в научных контактах во время Второй мировой войны, или же недостатков существующих ныне библиографических пособий) плохо известны зарубежным ученым даже по названиям. Однако, раз попав в поле зрения иностранных коллег, работы советских ученых очень скоро оцениваются по достоинству и после этого на них постоянно ссылаются и с выводами их считают. Настоящий список, где сведены воедино все даже мелкие работы, в которых есть те или иные сведения о Дуньхуане, призван облегчить знакомство с нашими работами для зарубежной науки.